

Мегаопрос: поле возможностей

Как известно, чтобы узнать мнение российских граждан по тому или иному вопросу, достаточно опросить по репрезентативной выборке 1500 респондентов – что Фонд “Общественное мнение” и делает еженедельно. Статистическая погрешность не превышает 3,6%, и подобный уровень достоверности результатов обоснованно считается вполне приемлемым.

Однако общенациональные опросы такого, традиционного, формата не позволяют уловить межрегиональные различия во взглядах, настроениях, ценностных установках – они в принципе для этого не предназначены.

Именно поэтому с июля 2003 года ФОМ начал время от времени проводить опросы иного типа: в 69 субъектах РФ (в которых проживает более 93% россиян) одновременно опрашиваются по 500 респондентов – по репрезентативным региональным выборкам. В целом, таким образом, – 34 500 человек. В рамках этого проекта, получившего условное название “Теорейтинг”, до конца 2005 года проведено 9 таких мегаопросов.

Чтобы понять смысл этого трудоемкого и дорогостоящего начинания, достаточно привести несколько примеров. Начнем с самого очевидного. Респондентов каждый раз спрашивают: *“Как Вы считаете, руководитель Вашей области (края, республики) работает на своем посту хорошо или плохо?”* Если бы нас интересовал лишь престиж сегоднешнего губернаторского корпуса

в целом, соответствующие данные можно было бы получить и в обычном всероссийском опросе. Однако ясно, что оценки работы губернаторов не могут не различаться весьма существенно и информация о репутации всех региональных лидеров по отдельности представляет гораздо большую ценность, нежели “средняя температура по больнице”, имеющая значение лишь в рамках макрополитического анализа. В ходе последнего мегаопроса (сентябрь 2005 года) позитивно оценили деятельность своих региональных руководителей 47% опрошенных, негативно – 30% (остальные либо заявляли, что ничего не знают об их работе – как правило, в регионах, где губернаторы сменились сравнительно недавно, либо затруднились с ответом). Это – в целом по России. Но если деятельность четверых наиболее популярных глав регионов положительно оценили свыше 80% респондентов в соответствующих субъектах РФ, то троем наименее популярным выставили отрицательные оценки более 60% жителей их регионов.

Другой пример: 35% респондентов в ходе того же опроса заявили, что они в целом довольны положением дел в своем регионе, 57% – что недовольны. Конечно, это распределение ответов уже само по себе дает определенное представление об уровне удовлетворенности ситуацией по России в целом. Но выясняется, что в семи регионах положением дел довольны свыше половины респондентов (Татарстан – 66%, Ханты-

Мансийский автономный округ – 63%, Кемеровская область – 57%, Белгородская область – 55%, Москва – 54%, Тюменская область – 52%, Хабаровский край – 51%). А на другом полюсе – тоже семь регионов, где доля недовольных “зашкаливает” за 75% (Ивановская область – 87%, Воронежская и Курганская – по 84%, Тульская – 80%, Кировская и Ульяновская – по 78%, Амурская область – 77%). Понятно, что подобные данные могут быть чрезвычайно полезны и для властных структур, и для политиков федерального и регионального уровней, и для потенциальных инвесторов, и для исследователей.

Речь идет, подчеркнем, не только о самых общих индикаторах удовлетворенности или неудовлетворенности, но и о вопросах более частных, конкретных. В ходе одного из опросов, проведенных в 2003 году, мы выясняли, как обстоят дела с общественным транспортом. Треть респондентов (33%) заявили, что в их регионах ситуация в этой сфере улучшается, четверть (24%) – что она ухудшается (остальные либо считали, что ситуация остается неизменной, либо сказали, что не пользуются общественным транспортом, либо затруднились с ответом). Но формат “Теорейтинга” позволяет обнаружить за относительно благополучными средними показателями диаметрально противоположные тенденции. Если в одних регионах положение дел, судя по высказываниям опрошенных, улучшалось быстро и существенно –

перевес позитивных оценок над негативными был гораздо более значительным, чем по стране в целом (в Республике Марий Эл, Вологодской, Свердловской, Ярославской областях), то в других (в Санкт-Петербурге, в Республике Карелия, в Кировской области) работа общественного транспорта, напротив, вызывала все больше нареканий. Если, скажем, 44% жителей Вологодской области отметили улучшения в этой сфере и только 7% заявили о переменах к худшему, то по соседству, в Карелии, о положительных сдвигах заявили 19% опрошенных, а об отрицательных – 41%.

Значимые различия обнаруживаются, конечно же, не только в тех случаях, когда респондентов самой постановкой вопроса побуждают сосредоточиться на ситуации в собственном регионе. Так, на вопрос: *“Вы лично допускаете или исключаете для себя возможность принять участие в каких-либо акциях протеста, присоединиться к протестующим?”* – по России в целом в сентябре 2005 года ответили утвердительно 25% респондентов (68% – такую возможность исключили). Но протестный потенциал распространен по стране неравномерно. В девяти регионах возможность принять участие в каких-либо акциях протеста допускает для себя примерно треть опрошенных, а в одном – в Курской области – 44% (исключают – 54%). Тогда как, например, в Краснодарском крае только 12% опрошенных допускают, что окажутся в рядах протестующих, а 83% – вообразить такого не могут.

Или – такой сюжет: 38% респондентов считают (сентябрь 2005 года), что “сегодня у людей, которые могут и хотят работать, достаточно возможностей прилично зарабатывать”, 54% – что таких возможностей нет. Но если, например, в Свердловской области 47% опро-

шенных полагают, что желающие и дееспособные могут сейчас зарабатывать приличные деньги, а 41% с этим не согласны, то в соседней Курганской области с первым мнением солидарны лишь 19%, а со вторым – 70%.

Наконец, последний пример. В ходе опроса, проведенного в начале 2005 года, 48% респондентов заявили, что чувствуют себя свободными людьми, и практически столько же, 46%, – что не чувствуют. Однако такое равновесие характерно отнюдь не для всех краев и областей: в 16 регионах доля субъективно “свободных” превышает долю “несвободных” как минимум на 15 пп., тогда как в 6 регионах – столь же ощутимый перевес “несвободных”. В Читинской области первых вдвое больше, чем вторых (61% против 31%), а в Саратовской – наоборот (31% против 60%). И даже соседние и, казалось бы, близкие по многим характеристикам Краснодарский и Ставропольский края различаются по этому параметру более чем существенно: в первом “свободных людей” в полтора раза больше, чем “несвободных” (58% против 38%), во втором – в полтора раза меньше (37% против 58%).

Конечно, в любом конкретном случае невозможно однозначно интерпретировать полученные распределения ответов, в частности – понять, в какой мере те или иные межрегиональные различия определяются специфическими характеристиками социальной ситуации, складывающейся в разных субъектах РФ, а в какой – психологическим, социокультурным своеобразием населения этих областей и краев. Но каждый мегаопрос, проведенный в формате “Теорейтинга”, пополняет уникальный банк данных, позволяющий анализировать самые различные особенности российских регионов. Постепенно складывают-

ся предпосылки для написания галереи социальных портретов этих регионов – на фоне страны в целом, для выявления и классификации региональных субкультур, словом – для постижения России в ее реальном многообразии.

А ведь уже просто осознание этого многообразия, прямо-таки бьющего в глаза при самом поверхностном просмотре данных “Теорейтинга”, во многом меняет, корректирует представление о состоянии всей страны. Взять такой вечно значимый и знаковый вопрос, как отношение россиян к богатству. Сентябрьский мегаопрос (2005 года) показал, что в целом по России 43% респондентов разделяют мнение, согласно которому рост числа богатых людей пошел бы стране на пользу, а 37% – что во вред (остальные – затрудняются с выбором). Стало быть, можно заключить, что в российском обществе традиционное предубеждение против богатства и богатых, органически связанное с эгалитаристско-патерналистским (“коллективистским”) комплексом, и противостоящая ему позиция, постулирующая социальную ценность богатства и сопряженная с легитимацией имущественного неравенства, конкуренции, экономической свободы (“индивидуалистическая”), распространены примерно в равной степени. Возникает образ социума, застывшего на распутье, – между путем модернизации и “тропой зависимости”, ведущей к воспроизводству традиционалистских ценностей, моделей поведения, социальных структур...

Но если мы знаем, что соотношение сторонников названных точек зрения ощутимо варьируется от региона к региону, то этот образ оказывается адекватным лишь в первом приближении. Выясняется, что, например, в Смоленской области только 19% опрошенных готовы

признать рост числа богатых благом для России, а 46% – полагают, что он был бы вреден для страны. А в Мурманской области, напротив, только 19% респондентов разделяют последнюю точку зрения, тогда как 49% – убеждены, что от роста числа богатых страна выиграла бы. Ценностный раскол приобретает территориальное измерение; оказывается, что в стране есть как ареалы, отчетливо склоняющиеся к традиционализму, так и анклав, где явно возобладала тенденция к социокультурной модернизации.

Разумеется, было бы несколько опрометчиво причислить Смоленскую область к первым, а Мурманскую – ко вторым на основании распределения ответов на один, пусть и весьма принципиальный вопрос. Но массив данных “Теорейтинга” позволяет уже сейчас более или менее надежно верифицировать подобные предположения – благо, едва ли не в каждом мегаопросе респондентам, наряду со злободневными вопросами, задаются и различные вопросы мировоззренческого характера.

Кстати, массив данных, полученных в ходе мегаопросов, чрезвычайно полезен и для решения некоторых исследовательских задач, не связанных с межрегиональными сопоставлениями. Допустим, нам нужно выяснить, что думают по какому-то вопросу женщины с высшим образованием в возрасте от 31 до 40 лет. Обычный всероссийский опрос нам тут помочь не сможет: таких женщин в репрезентативной выборке объемом в 1500 респон-

дентов окажется слишком мало (менее 30). А при выборке в 34 500 человек искомая категория будет представлена примерно 600 респондентками, что обеспечивает приемлемый уровень достоверности данных. К тому же возникает возможность сопоставить позицию этих респонденток с позициями высокообразованных мужчин того же возраста, женщин того же возраста, но со средним образованием, женщин с высшим образованием в возрасте от 41 до 50 лет и т.д.*.

Но все же главное предназначение “Теорейтинга” – создание социографических карт России. Карта в данном случае – не расхожая метафора, а реальный способ презентации результатов исследований.

Как это происходит? Возьмем в качестве примера упомянутый выше вопрос о том, допускает ли респондент для себя возможность принять участие в акциях протеста. Все регионы, в зависимости от полученных в них ответов на этот вопрос, делятся на три группы: с высокой, средней и низкой долями допускающих такую возможность**. И каждая группа субъектов РФ окрашивается на карте России – в данном случае, карте распределения протестного потенциала – определенным цветом.

Распределение ответов на практически каждый вопрос представляется в нескольких картах – в приведенном примере, помимо карты, отражающей межрегиональный “разброс” по утвердительным ответам на вопрос о возможности участия в акциях протеста, уместна и карта, отра-

жающая межрегиональное распределение отрицательных ответов (доли исключающих возможность участия в подобных акциях). Нередко вопрос предполагает более чем два варианта ответа, и тогда количество карт соответствует количеству этих вариантов. Поэтому каждый мегаопрос порождает сотни карт, объединяемых в тематические атласы*** – посвященные политике и экономике, культуре и социальным проблемам, ценностям и социальным установкам, уровню жизни и потребительскому поведению. И так далее.

В принципе в рамках мегаопросов формата “Теорейтинга” можно исследовать любые темы, изучаемые и при обычных всероссийских опросах, задавать те же вопросы, которые задаются при стандартной выборке в 1500 респондентов. Единственный ограничитель здесь – здравый смысл: “Теорейтинг” – проект трудоемкий и дорогостоящий, и использовать его следует для того, чтобы получить ответы на наиболее существенные вопросы, причем преимущественно – такие, по которым именно информация о межрегиональной дифференциации мнений особенно важна****. Не стоит, как говорится, забивать гвозди микроскопом. А “Теорейтинг” вполне можно уподобить оптическому прибору с повышенной – в сравнении с обычными опросами – разрешающей способностью: он действительно позволяет разглядеть то, что никак нельзя увидеть через “очки” социологических опросов общепринятого формата.

Г. Кертман

* Правда, выборка мегаопроса не является репрезентативной для России в целом. Но эта проблема решается стандартной процедурой «взвешивания»: с введением повышающих коэффициентов для регионов с большим населением и понижающих – для регионов, где жителей немного, выборка преобразуется в репрезентирующую население страны.

** Количество групп может варьироваться: иногда уместнее давать более дифференцированное деление.

*** Наряду с картами атласы непременно содержат таблицы, в которых представлены распределения ответов по каждому конкретному региону.

**** Да и сами анкетные вопросы перед использованием в “Теорейтинге” обычно тестируются в опросах обычного формата: ведь иногда случается, что вопрос, выглядящий, на взгляд исследователей, вполне корректно, по каким-то причинам “не срабатывает”.